

Им. газета
1980, 28 мая

В ЖИЗНИ поколения, к которому принадлежит Григорий Бакланов, все определила война. Определила жестоко, безжалостно, бесповоротно.

— Но хотя война сделала нас взрослыми, — говорил писатель на встрече с книголюбями города Обнинска, — не надо думать, что это произошло именно 22 июня 1941 года. Вчерашние школьники, семнадцатилетние ребята, мы, по сути дела, продолжали в чем-то оставаться детьми. Вершилась величайшая трагедия, а мы этого не понимали. Неловко теперь сказать, но, когда я услышал по радио, что началась война, я обрадовался. Побежал к своему другу Димке Мансурову, а он тоже обрадован, вместе пошли в военкомат. Слово бы, вот оно, наше предназначение, свершилось. Взрослые плакали, какие лица тогда были у людей! А нам бы только на фронт скорей попасть.

Нет, человек взрослеет не сразу. Многие так и погибли вот такими счастливыми мальчишками. Мне их сегодня так жаль, словно они — мои сыновья.

...Ему никогда не забыть зимнего утра января 1942 года. Ночью эшелон прибыл на Северо-Западный фронт. Жестокий мороз, непроглядная темень, отягивающая плечи полная боевая выкладка и семьдесят километров пешего марша до передовой. Ох, каким трудным показался этот путь, хоть шли по колею, проложенной трактором с волокушей.

— Я под утро заснул в окопе, — рассказывал Бакланов, — а меня будят: гляди — фриц. Сумерки предрассветные, снежное поле. Что-то серое мелькнуло там, в складке снегов. Вот и все. И точно помню это — не мысль, а именно чувство, что вся моя жизнь до сих пор была дорога, проложенная людьми. А дальше дороги нет. Дальше вместе со всеми эту дорогу буду прокладывать и я: для нас, для тех, кто пойдет за нами.

Про это написал я в «Пяди земли». Там это думает Мотовилов. Но это было со мной.

...Тридцать пять лет отделяет нас от мая 1945 года, когда наше красное знамя взвилось над рейхстагом.

Но чем дальше уходят в историю события борьбы с гитлеровским фашизмом, этот, по выражению Л. И. Брежнева, высокий рубеж в истории человечества, тем все более досконально хочется людям разобраться в них, соразмерить собственную мирную жизнь с деяниями своих отцов, взглядеться в их судьбу, осмыслить их опыт, охватить масштаб народного подвига в целом.

Вот почему на встречах с писателями — фронтовики и а ми сейчас возникает особая атмосфера, а одной из отличительных особенностей аудитории является множество молодых лиц в зале...

На читательскую конференцию, где будет выступать автор обсуждаемых книг, люди приходят, движимые разными чувствами. Одни хотят рассказать, как они поняли прочитанное, объяснить писателю, что, на их читательский взгляд, ему удалось, а что нет. Другим просто любопытно взглянуть на живого человека, привести в соответствие воображаемый образ художника с его реальной личностью. Третьим интересует, что же думает писатель об окружающей жизни, какими принципами в ней он руководствуется. Отсюда и традиционные программы, когда сначала писатель долго слушает заранее подготовленных ораторов, зачастую блистающих эрудицией, наипрофессиональнейших литературных критиков, а потом, разобравшись в ворохе поступивших из зала записок, отвечает на них, стараясь уложиться в отведенное ему время. Заорганизованность подобны встречах зачастую мешает и читателям, и самому писателю.

Как сейчас видится, верным было решение Григория Яковлевича Бакланова «положить» программу и самому вести встречу.

Его выступление продолжалось около двух часов. Но и потом, в фойе Дворца культуры завода «Сигнал», где была развернута выставка произведений Григория Бакланова, читатели продолжали осаживать писателя далеко не простыми вопросами: «Как вы считаете, можно ли жить в постоянном согласии с самим собой?», «Вы побывали в Америке. Какая там молодежь? Вообще, как вы относитесь к нынешнему поколению двадцатилетних?»

Последний вопрос исходил от длинноволосого паренька строптивого вида. Стекла очков не скрывали напряженности его взгляда. Было такое впечатление, что он заранее приготовился к защите. Судя по последовавшему ответу, писатель уловил гамму чувств своего неожиданного собеседника... А говорил Григорий Бакланов примерно следующее:

— Мы судим о молодых с высоты опыта собственных прожитых лет. Но никогда еще не удавалось какому-либо старшему поколению научить молодое жить по указке взрослых. Каждое поколение добывает свой опыт самостоятельно. И в жизни, и в истории каждое поколение от какого-то момента прокладывает свой путь.

— Но на нынешних двадцатилетних, — продолжал писатель, — смотрю с тревогой. И вовсе не потому, что они столь уж сильно отличаются от поколения

военной поры. Дело в другом. Им достается мир в один из самых серьезных моментов истории. Судите сами. Ведь когда мы уходили на фронт, каждый знал: могу умереть я, но мир останется. Впервые человек просыпается в сознании: могу исчезнуть не только я, но может исчезнуть вся цивилизация. Вообще все живое. И это при том, что человеку, в сущности, не так много и надобно для счастья. Ему нужны мир, любимая работа, нужно, чтобы были здоровы дети и близкие, чтобы не раздражались эпидемии, не рвались бомбы. Вот ведь главная мера ценностей.

Так вот. Сегодняшним двадцатилетним достается мир со

буду ее полностью читать. Но судя по всему, ее автор хочет прояснить позицию в каком-то споре между своими знакомыми. Он утверждает, что хорошо работать и совершить что-то значительное можно лишь при условии, если живешь в согласии с собой. И спрашивает, нахожусь ли я в согласии с самим собой, когда пишу. Бывают, конечно, редкие моменты внутренней удовлетворенности, скажем, если удалась сцена или вещь в целом. Но книга-то возникает ведь только из несогласия с собой. Что такое все конфликты в ней? Конфликты между персонажами? Конфликты совести? Ведь это все твоё, ты сам.

И вообще, согласие с самим

ДИАЛОГ: ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

Григорий
БАКЛАНОВ:

В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ — НАВСЕГДА

всеми его сложнейшими противоречиями. В этот, видимо, переходный период на них ложится груз и осмысления, и выработки совершенно новой системы отношений — и между людьми, и между государствами.

Между людьми должно возникнуть то, что сделает их единой человеческой семьей — при полном различии их индивидуальностей, при том, что народы останутся народами. Но только народы должны жить в братстве и мире. И бороться за него. Иначе они погибнут. Как никогда, сегодня важно предвидеть будущее. Хотя бы на полвека вперед...

Я наблюдаю, как меняется лицо молодого человека. От его воинственной настороженности не осталось и следа. Сейчас оно красноречиво свидетельствовало о предельной сосредоточенности души. Может, ради такого вот разговора он и пришел на встречу с писателем?

— Меня спрашивают: «Считаете ли вы, что литература способна сделать человека лучше?» Литературе, искусству вообще многое подвластно. И прежде всего литература дает людям возможность взглянуть на себя со стороны и в душу свою взглядеться. Но нельзя понимать литературу так, что она, служа добру, научит, наставит, и в человеке сразу что-то изменится. Если бы все было так просто, мир давно уже был бы устроен самым совершенным образом. Ни один, даже самый великий, писатель не мог сказать, что вот он написал книгу — и сразу произошел какой-то сдвиг в обществе к лучшему.

Так не бывает. И все же люди не могут жить без искусства, а писатель не может не писать. Потому что существует у нас естественная потребность осмысления пройденного человечеством пути.

Что же делает искусство? Оно делает человека ранимым.

Мне давно хотелось написать о боли, и все не получалось, и до сих пор я этого не написал. А вот что было со мной в октябре 1943 года. Был я ранен — множественное осколочное ранение, так оно называлось, — лежал на земле около палатки медсанбата, ждал, когда возьмут на операцию. Раненых было много. И в какой-то момент я перестал чувствовать боль. Так случается при большой потере крови. Ушла кровь, ушла жизнь. И стало не больно. Вот тут меня заметил санитар.

Если человечество перестанет чувствовать боль, оно истечет кровью. Искусство нащупывает в душах людей то, что должно болеть, не дает успокаиваться. И пока мы способны сопереживать, страдать за других, как за себя, мы остаемся людьми, мы — человечество. Вот в том, чтобы душа сохранила способность воспринимать чужую боль, как свою, чтобы не успокаивалась, очевидно, и состоит нравственное воспитание литературой. Так воспитывала классика, так воспитывают лучшие книги советских писателей.

Есть длинная записка, но

с собой всегда, по-моему, равнозначно самоуспокоенности. От такого человека ни дел, ни книг не жди.

«Как вы относитесь к неудаче?» Неудач никто себе не желает. А проходит время, анализируешь и видишь, что и неудачи учат. Иной раз сильней и лучше, чем успех.

«Хотелось бы узнать, какова главная идея повести «Навеки — девятнадцатилетние». Так ли уж была необходима гибель главного героя? Чем вы руководствовались, обрекая его на такую негероическую, случайную смерть?» К сожалению, распространилось представление, что смерть на фронте всегда героическая. Более того, что и смертью своей солдат непременно приносит пользу делу. Меня уже спрашивали, почему автор пошел вразрез с этими общеизвестными представлениями. И так же, как я не мог бы сказать о главной идее не только своей, но и чужой вещи, в двух-трех словах, не могу однозначно ответить и на этот вопрос.

Главная идея — фраза, мысль. Но если в художественном произведении содержится всего одна мысль, которую мимоходом можно выразить, то, наоборот, и писать его не стоило. Попытаюсь объяснить лишь, чем эта повесть отличалась для меня от «Пяди земли», «Июля 41 года» и других моих вещей. Почему стал ее писать.

Вот прошло время, и я уже далеко не молод. А из нашего класса в живых осталось всего четверо. Из моей семьи пошли воевать семеро, вернулись трое. Так что цифра 20 миллионов жизней, — она для меня не безлика. Все больше думаю о всех погибших, о святынях девятнадцатилетних мальчишек, об их оборванной жизни, которая могла бы продолжиться, случись все иначе.

Я знаю столько случайных смертей на фронте, которых могло не быть. За каждым совершенным героическим поступком столько несовершенных! И не потому, что люди эти были хуже, не так смелы. Нет. Авиация в той войне и на фронте бомбила, и за фронт летала, и масса людей погибла или стала инвалидами, не доехав до фронта, ни разу не выстрелив по врагу, не увидев его даже. Таков в повести младший лейтенант Гоша. Я видел таких в госпиталях, лежал с такими. Судьба их тем трагичней, что они даже не совершили ничего, хотя рвались на фронт, и люди были геройские. В героической смерти есть утешение. А вот так — и утешения нет.

Все — и люди, которые есть в повести, и соотношение их, и сами сцены — все вместе и выражает мою мысль.

Удивительное дело. В книгах военных историков, в мемуарах и в той жизни, которая стояла за книгами, война разная. Недавно лишний раз убедился в этом, перечитывая Лидла Гарда, — есть такой английский военный историк. Он пишет, в частности, про те операции, в которых довелось и мне участвовать во время войны. И я увидел, как они были стройны, как они были хорошо продуманы, как они логически развивались, быстро и — ман-то оно даже получалось — бескровно. И в этом я совершенно не узнавал ту войну, которую знал.

Потому что война, которая изображена здесь, она вроде бы нравственна, она дозволенна, она необходима, и, вообще, это творческое дело. А я войну видел отсюда, с поля боя. Помню же солдатом и офицером, как страшное, кровавое дело, которого не должно быть между людьми.

Или, скажем, в другой книге, в мемуарах, читаю о блестящей продуманной операции, когда мы применили новинку — прожекторами осветили противника. Шло наступление на Берлин. Там генерал Берзарин командовал Пятой ударной армией. И опять думаю: ведь я видел это по-другому. Я это видел на Северо-Западном фронте, в начале 42-го года, зимой. Генерал Берзарин командовал тогда нашей 34-й армией. И вот было начато наступление. Применили прожектора. В час ночи ударила катушка, вспыхнули прожектора, гранулы репродукторы над снежным полем, пошла пехота. Но разведка наша не знала, что у немцев противотанковый ров был. Танки дошли до рва, встали. Минометы бьют, прожектора светят, пехота лежит в снегу. Идея оправдала себя, но когда — в 45-м году. Но читаю про ту операцию — и это поле у деревни Ямник вижу.

И думаю: какой же взгляд верный? Тот ли, когда спойкойно, издали смотришь на все происходившее, или правильный взгляд того человека, который участвовал во всем этом деле?

Вопрос не прост, односложно не ответишь. Но все-таки что бы в жизни ни делалось и ни создавалось, оно делается не помимо нас, а намыслим из нас. И как бы литература ни исследовала мир, какие бы глобальные проблемы ни попадали в сферу ее внимания, путь к исследованию один — через человека. Что для него было время, в котором он жил, что сам он значил и сделал в это время?

В искусстве мерой всех мер остается человек. Вот он, масштаб, приложимый ко всем событиям, если смотреть на них с нравственной точки зрения. Весь круг проблем, и великих, и малых, — все можно увидеть в этом масштабе, измерить этой мерой.

Вот с какими мыслями я написал повесть «Навеки — девятнадцатилетние». И отсюда, и отсюда вышло, что герой погиб так, а не иначе.

— Спрашивают в записке, как отношусь к Алесю Адамовичу, читал ли его «Каратели». Читал. Это необыкновенная личность. Сельский парень, в пятнадцать лет ушедший к партизанам, недооцененно образованный, исключительно талантливый человек. Помимо того, что он прекрасный литератор, он еще профессор, доктор наук. Что касается «Карателей», то это литературной точки зрения потрясающе сильно написанные сцены сожжения деревень, сцены уничтожения.

До этого произведения А. Адамович написал «Хатыньскую повесть», до этого четыре года он с Я. Брылем и В. Колесником объезжал белорусские села, собирали рассказы людей, уцелевших от расстрела, и вышла необычная книга «Я из огненной деревни...». И еще два года он вместе с Д. Граниным ходил по домам, записывал на магнитофон истории тех, кто пережил ленинградскую блокаду. В результате мы теперь читаем «Главы из Блокадной книги». Теперь вот — «Каратели». Это такое напряжение душевных, физических сил, что трудно даже представить, как может человек вмести в себя ТАКОЕ знание горя, страдания людского, как можно столько лет жить в нем. Это подвиг.

К работе А. Адамовича отношусь с уважением.

И вообще я с уважением отношусь ко многим писателям

моего поколения. Владимир Богомолов. В шестнадцать лет — десантник. Один из талантливейших наших писателей. Василь Быков. То, что он испытывал и прошел на фронте, на две жизни хватит. Анатолий Ананьев. В семнадцать лет — офицер-артиллерист. И где? На Курской дуге. Юрий Гончаров, земляк мой. Мы учились с ним в Воронеже в разных школах, не знали друг друга до войны. Это прекрасный, строгий писатель, солдат пехоты. А вот совсем недавно, как говорится, нашего полку прибыло: в литературу первой же своей повестью повестью «Сашка», вошел зрелый писатель Вячеслав Кондратьев. Он тоже был пехотинцем во время войны.

И в партию поколение наше вступало молодым, на фронте, в самом трудном сорок втором году, когда все еще колебалось на весах истории. Трудней был, наверное, только год сорок первый, но тогда мы еще по возрасту не подходили.

Спрашивают в записке: «Какие реальные события положены в основу романа «Друзья?» Видите ли, роман не складывается из какого-то одного факта или реального события. Например, в этой вещи есть такой персонаж — архитектор Немировский. За ним стоит несколько семей Воронежа и Москвы. Кстати, это не архитектуры, и ничего из описанного мной в этих семьях не произошло. Но что было? Был дух семьи. Мне кажется, когда умирает человек, то вместе с ним уходит неповторимая атмосфера, разрушается уклад семьи. Начинается другая жизнь, другая семья — но это уже семья детей, внуков, уже иная атмосфера. Вот это и было для меня главным в семье Немировских. Ну, а реальных событий за книгой стоит много. И из моей жизни, и из жизни моих знакомых. Но все обобщено, и в конечном счете, уже не похоже на то, что было в действительности.

Ну и последний вопрос: «Что дают вам обсуждения и встречи типа сегодняшней?» Дают. И немало. Меня, например, волнует, что вы пришли.

Это поразительно. Пишешь, хочешь сказать что-то свое, тронуть еще какой-то лад. В общем-то, сосредоточен в себе. А проходит время, книга начинается отдельную от тебя жизнь. И начинают приходить читательские письма, начинаются читательские конференции. И ты видишь, что книгу прочли, что люди захотели еще что-то додумать, перепроверить в себе. Значит, нужна книга.

И еще. На таких встречах более всего утверждаешься в мысли — исследовать жизнь надо беспристрастно. Но писать надо страстно. Иначе книга никого не взволнует.

Записала В. ПОМАЗНЁВА